

**В. Г.
АВСЕЕНКО**

Василий Григорьевич Авсеенко

Записка

Серия «Петербургские очерки», книга 8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2779015

Аннотация

«Какъ всегда постомъ, вторникъ у Енсаровыхъ былъ очень многолюдень. И что всего лучше, было очень много мужчинъ. Этимъ перевѣсомъ мужчинъ всегда бывають довольны обѣ стороны; непрекрасный полъ расчитываетъ, что не будутъ заставлятъ занимать дамъ, и позволятъ составить партію, а дамы... дамы всегда любятъ, когда ихъ меньше, а мужчинъ больше...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Василій Григорьевич Авсеенко Записка

Какъ всегда постомъ, вторникъ у Енсаровыхъ былъ очень многолюденъ. И что всего лучше, было очень много мужчинъ. Этимъ перевѣсомъ мужчинъ всегда бываютъ довольны обѣ стороны; непрекрасный полъ расчитываетъ, что не будутъ заставлятъ занимать дамъ, и позволятъ составить партію, а дамы... дамы всегда любятъ, когда ихъ меньше, а мужчинъ больше.

Но Ольгѣ Александровнѣ Ластовцевой было скучно. Она сидѣла въ углу гостиной, плохо освѣщенномъ лампою подъ громаднымъ абажуромъ, и ея живые, выразительные, голубовато-сѣрые глаза казались сегодня потускнѣвшими, какъ и смугло-розовый матъ ея кожи, и обыкновенно яркая краска ея красивыхъ губъ. Ее даже спрашивали, здорова-ли она, или не разстроена-ли чѣмъ нибудь. Эти вопросы злили ее, потому что доказывали ея неумѣнье скрыть свое дурное расположеніе духа.

А ей было очень, очень нехорошо. Она пріѣхала сюда только потому, что ожидала встрѣтить здѣсь Веніамина Петровича Валкова. И онъ былъ здѣсь, очень сухо поздоровался съ нею, задалъ ей тотъ-же самый нестерпимый вопросъ:

здорова-ли она? и не сълъ на свободное подлѣ нея кресло, а повертѣлся въ гостиной и исчезъ. Потомъ она, заглянувъ въ кабинетъ, увидѣла его играющимъ въ карты. Онъ имѣлъ равнодушно-серьезный видъ, взглянулъ на нее какъ бы машинально, и объявилъ три черви.

Два дня назадъ, между ними произошла крупная ссора. Не онъ одинъ, она тоже была виновата. Она сознавала это. Не надо было говорить тѣхъ злыхъ, несправедливыхъ словъ, которыя она сказала ему. Но если она любитъ, и любя, такъ ревнуетъ его? Она поддалась этому мучительному ревнивому раздраженію, ей хотѣлось уязвить, оскорбить его, причинить ему боль. И онъ почувствовалъ эту боль, онъ оскорбился, можетъ быть даже обозлился, и вотъ теперь...

Что же теперь? Неужели эта ошибка такъ непоправима? Неужели они не объяснятся?

Ольга Александровна обвела печальнымъ взглядомъ гостиную. Общество разбилось группами. Кажется, всѣмъ было весело. И она вспомнила цѣлый рядъ вторниковъ, когда ей тоже было весело здѣсь, когда у нея тоже была своя «группа» – Веніаминъ Петровичъ и эта добрѣйшая Марья Андреевна, ея троюродная тетушка, которая, кажется, догадывалась о ея романѣ и сочувствовала ему. А сегодня Марья Андреевна почему-то не пріѣхала, а Веніаминъ Петровичъ игралъ въ карты въ кабинетѣ, и въ такой партіи, которая всегда просиживала за винтомъ весь вечеръ.

Ольгу Александровну злилъ также ея мужъ. Онъ поче-

му-то имѣть сегодня особенно самодовольный видъ, шутили съ дамами, и безпрестанно подбѣгаль къ ней спросить, какъ она себя чувствуетъ? Кажется, никогда онъ не былъ такъ противень ей.

Со злости, она подозвала къ себѣ Хоперцева, и закусивъ губу, указала ему мѣсто подлѣ себя. Этотъ Хоперцевъ былъ довольно невзрачный господинъ лѣтъ тридцати, съ желтымъ лицомъ, растрепанными по модному рыжеватыми усиками, и узкими зелеными глазами. Ольга Александровна принялась безсовѣстно кокетничать съ нимъ. Хоперцевъ напряженно улыбался, узкіе глазки его превращались совсѣмъ въ щелочки, весь онъ начиналъ какъ-то неестественно качаться, обхвативъ обѣими руками колѣно, и визгливымъ голосомъ говорилъ невѣроятнѣйшія глупости. А Ольгѣ Александровнѣ хотѣлось-бы стукнуть его кулачкомъ по головѣ и отпихнуть ногой.

Она, наконецъ, встала, оправила примятыя складки платья, и прошла въ кабинетъ. Она вошла туда какъ разъ въ ту минуту, когда Валковъ и его партнеры, докончивъ шесть робберовъ, мѣнялись мѣстами, чтобъ засѣсть еще на три. И опять машинальный взглядъ равнодушно-серьезныхъ глазъ, и ничего больше.

– Знаешь, ты меня просто пугаешь: у тебя такой болѣзненный видъ! – подскочилъ къ ней мужъ, когда она вѣрнулась въ гостиную. – Поѣдемъ лучше домой!

– Хорошо, поѣдемъ. У меня, въ самомъ дѣлѣ, голова бо-

лить. Погоди, я найду тебя через минуту.

Ольга Александровна прошла въ маленькѣй боковой кабинетъ хозяйки дома. Тамъ никого не было. На изящномъ письменномъ столикѣ горѣла лампа. М-ме Ластовцева присѣла къ нему и сжала виски холодными пальцами. «Это нестерпимо, это не можетъ продолжаться»... – подумала она, и быстро раскрыла бюварь. Тамъ было нѣсколько листовъ бумаги безъ монограммъ, свертывающихся конвѣртиками. Она схватила перо, помакнула и написала:

«Приходите завтра въ три часа. Буду дома.

О. Л.».

Затѣмъ свернула листокъ, заклеила, и спрятавъ въ рукѣ, вышла прямо въ переднюю. Тамъ тоже никого не было. Ольга Александровна быстро оглянула вѣшалки и тотчасъ замѣтила пальто Веніамина Петровича. Она узнала его по свѣтлой фланелевой подкладкѣ. Отыскавъ карманъ, она торопливо сунула туда записку, вернулась въ кабинетикъ, прошла въ гостиную и сдѣлала знакъ мужу.

Въ каретѣ она почувствовала себя совсѣмъ успокоившеюся. Она уже не разъ прибѣгала къ этому способу передачи сообщений, и знала, что какъ только Валковъ выйдетъ на лѣстницу, сейчасъ-же опуститъ руку въ карманъ, чтобъ справиться, нѣтъ ли записочки. А не придти, когда она зоветъ его... нѣтъ, это совсѣмъ невозможно.

Неяркій весенній день робко глядѣль сквозь тюлевыя занавѣсы въ будуарь Ольги Александровны, и этотъ мягкій, бѣлый свѣтъ, дробясь въ складкахъ блѣдно-лиловаго атласа, придавалъ всей обстановкѣ какую-то успокаивающую интимность. Молодая хозяйка, въ корсажѣ цвѣта сѣйте и юбокѣ неопредѣленнаго розоваго оттѣнка, сидѣла въ глубинѣ комнаты, передъ круглымъ японскимъ столикомъ, на которомъ лежалъ раскрытый томикъ Марсея Прево. Но она не читала и даже не думала... Она вся была во власти радостнаго ожиданія, какъ-то по-дѣтски наслаждаясь обстановкой этихъ раздражительно-сладкихъ минутъ. Мужа не было дома; прислугѣ было сказано принимать безъ доклада. Теперь ровно три часа. Еще нѣсколько минутъ — и въ гостиной раздадутся мягкіе шаги по ковру, край портьеры приподымет-ся, и появится дорогое, милое, нестерпимо-милое лицо, еще строгое, но уже съ блескомъ счастья въ умныхъ глазахъ...

Изъ передней какъ будто донесся слабый звукъ электрическаго звонка. Въ гостиной послышались шаги, портьера заколыхалась — но что за ужасъ! Изъ-за нея появился Хоперцевъ.

Ольга Александровна закусилa губу и облила почти яростнымъ взглядомъ эту вихлявую фигурку, затянутую въ узкій сюртукъ, и какъ-то гадостно изгибавшуюся, съ очевидною

цѣлью придать себѣ свѣтскую непринужденность. «Какъ глупо, что я не велѣла принять одного только Веніамина Петровича», подумала хозяйка. – «Ну, да ничего, какъ только Валковъ придетъ, мы этого господина тотчасъ выпроводимъ».

Хоперцевъ, скользя лакированными ботинками по ковру и вихляя всѣмъ станомъ, пробрался между тѣсно разставленной мебелью, тихонько пожалъ протянутую ему руку, и склонилъ къ ней свои растопыренные усы.

«Съ чего это онъ вздумалъ»? мысленно фыркнула Ольга Александровна, и рѣзко отдернула руку.

Гость взглянулъ на нее съ удивленіемъ, и не дожидаясь приглашенія, опустился на низенькій пуфъ, почти у самыхъ складокъ ея платья.

– Нѣтъ, сядьте пожалуйста тамъ, – указала ему Ольга Александровна на кресло подальше. – На пуфъ вы будете очень смѣшны.

– Какъ? Почему-же смѣшонъ? Я хотѣлъ быть ближе къ вамъ. Для меня лучшее мѣсто – у вашихъ ногъ, – протестовалъ Хоперцевъ.

– У своихъ ногъ я предпочитаю имѣть вотъ эту подушку, – возразила хозяйка, и усѣлась поудобнѣе.

Хоперцевъ опустился на указанное ему кресло, но за то нагнулся такъ, что его растопыренные усы и закругленный шарикомъ носъ приходились очень близко къ лицу молодой женщины.

– Я васъ рѣшительно не узнаю сегодня, – продолжалъ онъ.

Вѣроятно что-нибудь разстроило васъ. Вчера вы были такъ любезны, такъ благосклонны...

– Я была любезна? благосклонна? Къ вамъ?

– Конечно. Я всю ночь заснуть не могъ, до такой степени былъ взволнованъ. Но за такое волненіе можно жизнь отдать. Я сегодня счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ...

И Хоперцевъ притянулся еще ближе, и схватилъ лежавшую на колѣняхъ руку Ольги Александровны.

Это было уже слишкомъ. Молодая женщина отдернула руку, и глаза ея блеснули.

– Что съ вами? Мнѣ приходится учить васъ, какъ держать себя? – почти вскричала она. Лицо Хоперцева выразило недоумѣніе, тотчасъ смѣнившееся, впрочемъ, нахально-плутоватою усмѣшкой.

– Къ чему всѣ эти прелюдіи? – произнесъ онъ. – Вы видите передъ собою человѣка, которому можете вполнѣ довѣриться. Да вы и довѣрились уже.

Молодая женщина, пораженная, откинулась на спинку кресла.

– Я вамъ довѣрилась? – произнесла она почти съ ужасомъ.

Ей пришло въ голову, что Хоперцевъ могъ когда-нибудь прослѣдить ее и Валкова, подслушать что-нибудь изъ ихъ разговора, и теперь желаетъ предъявить цѣну своей скромности.

– Конечно вы мнѣ довѣрились, спокойно подтвердилъ онъ. – Какъ-же иначе назвать приглашеніе, которое я имѣлъ

счастье получить отъ васъ?

Ольга Александровна быстро поднялась съ мѣста.

– Какое приглашеніе? – вскрикнула она.

– Но вотъ это...

И Хоперцевъ, опустивъ руку въ карманъ, достала отсюда записочку, набросанную вчера Ольгой Александровной въ кабинетикъ m-me Енсаровой.

У молодой женщины потемнѣло въ глазахъ. Вопросъ за вопросомъ, мысль за мыслью, словно раскаленную цѣпью потянулись въ ея мозгу. Но это продолжалось менѣ секунды. Съ непокидающимъ женщину инстинктомъ, она, прежде чѣмъ сообразить что-нибудь, вырвала изъ рукъ Хоперцева записку, затѣмъ расхохоталась самымъ естественнымъ смѣхомъ.

– Подождите, я сейчасъ, – бросила она ему, и выбѣжала въ гостиную, потомъ въ переднюю.

Увидѣвъ тамъ на вѣшалкѣ мужское пальто, она брезгливо, кончиками пальцевъ перевернула его, и узнала свѣтлую фланелевую подкладку.

Вчерашняя роковая ошибка теперь ясно представилась ей. Но кто-же могъ предвидѣть, что у нихъ одинаковыя пальто?

Она вернулась въ будуаръ, продолжая хохотать все громче и громче, и остановилась передъ глупо стоявшимъ посрединѣ комнаты Хоперпевымъ.

– И вы могли поддаться на такую грубую шутку? Вы во-

образили, что вамъ серьезно назначаютъ свиданіе... вамъ!?

Она заливалась все громче, все безжалостнѣе. Въ этомъ нескончаемомъ смѣхѣ чувствовалось что-то истерическое. Казалось, еще минута – и она не выдержитъ, и хохотъ перейдетъ въ рыданіе.

– Но... я не знаю... мнѣ кажется, я не давалъ повода смѣяться надо мною... – что такое бормоталъ сразу растерявшійся Хоперцевъ.

– Вы могли подумать? Вы?

– Извините, но я долженъ сказать, что считаю вашу шутку неумѣстной, рѣшительно неумѣстной... произнесъ напряженно Хоперцевъ, и взялъ шляпу.

Ольга Александровна упала на диванчикъ, продолжая хохотать.

– И вовсе не смѣшною, – добавилъ Хоперцевъ.

– И даже неприличною! – докончилъ онъ, и поклонившись съ небрежнымъ достоинствомъ, вышелъ изъ будуара.

Хозяйка не пошла его провожать. Она вынула изъ кармана вчерашнюю записочку, подохла ее спичкой и бросила въ каминъ.

«Ничего, Веніаминъ Петровичъ все-таки получить мои двѣ строчки», сказала она мысленно.